

- Straubergs 1939–1941 — *Straubergs K.* Latviešu buramie vārdi, I–II. Rīgā, 1939–1941.  
 Straubergs 1944 — *Straubergs K.* Latviešu tautas paražas. Rīgā, 1944.  
 SV 1987 — Sužeiastas vėjas: Lietuvių liaudies mitologinės sakmės / Sudarė N. Vėlius. Vilnius, 1987.  
 Šmits 1926 — *Šmits P.* Latviešu Mītoloģija / Otrs pārstrādāts izdevums. Rīgā, 1926.  
 TPD 1929 — Teikas par Dievu: Izlase. Rīga, 1929.  
 TŽ V — Tauta ir žodis / Red. prof. V. Krėvė-Mickevičius. Kaunas, 1928. T. V.  
 Urbutis 1981 — *Urbutis V.* Baltų etimologijos etiudai. Vilnius, 1981.  
 Vaitkevičiai 1996 — *Vaitkevičienė D., Vaitkevičius V.* Naujojo Daugėliškio padavimai // Tautosakos darbai. Vilnius, 1996. T. V (XII).  
 Vaitkevičienė 2001 — *Vaitkevičienė D.* Ugnies metaforos: lietuvių ir latvių mitologijos studija. Vilnius, 2001.  
 Vėlius 1983 — *Vėlius N.* Senovės baltų pasaulėžiūra: Struktūros bruožai. Vilnius, 1983.  
 Vėlius 1987 — *Vėlius N.* Chtoniškasis lietuvių mitologijos pasaulis. Vilnius, 1987.  
 VKLT 1938 — Vilniaus krašto lietuvių tautosaka / Parengė dr. J. Balys // Tautosakos darbai. Kaunas, 1938. T. IV.  
 Vries 1962 — *Vries J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1962.  
 Walde, Hofmann I–II — Lateinisches etymologisches Wörterbuch von A. Walde / 3. neubearbeitete Auflage von J. B. Hofmann. Heidelberg, 1938–1954. Bde. I–II.  
 Zinkevičius 1984 — *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorija. T. I: Lietuvių kalbos kilmė. Vilnius, 1984.

Е. КОНИЦКАЯ, Б. ЯСЮНАЙТЕ

ЖАВОРОНКОВ СНЕГ  
 (ПРОИСХОЖДЕНИЕ СНЕГА  
 В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ)

§1. Некоторое время назад в статье о метафорах снега в литовском и некоторых славянских (в частности, русском, польском, словенском) языках мы пришли к выводу, что они выразительно демонстрируют сходства и различия, присущие мировосприятию этих народов. При анализе материала мы выделили три крупные семантические группы метафорических выражений. К первой группе мы отнесли те, которые обозначают снег, находящийся в воздухе, ко второй — фразеологизмы и метафоры, связанные со снежным покровом. Но все-таки для этнолингвиста, пожалуй, самыми интересными являются примеры третьей семантической группы. К ней, как уже упоминалось в нашей статье (см.: Jasiūnaitė, Konickája 2004), относятся метафорические выражения со своеобразным «этиологическим» оттенком, наивным объяснением происхождения снега. По нашему мнению, примеры из этой группы теснее всего связаны с традиционным крестьянским мировоззрением и мифологическими образами. В связи со спецификой выражений «этиологического» характера мы намеревались посвятить им отдельную статью и выполняем это обещание.

§2. В разных литовских говорах и фольклорных текстах<sup>1</sup> нами было зафиксировано 46 примеров «этиологического» характера. Предполагаемой причиной появления снега, судя по ним, может быть следующее: 1) птицы и их различные действия; 2) мифологические существа; 3) части тела мифологических существ; 4) олицетворенные явления природы; 5) неназванный, но легко определяемый субъект действия. Ниже рассмотрим каждый случай отдельно, при этом связывая факты литовской фразеологии и паремии различного рода (загадки, пословицы и поговорки, метеорологические паремии) с более широким этнологическим контекстом, особенно с данными славянской (русской, белорусской, словенской и др.) традиционной культуры.

<sup>1</sup> Шире об источниках материала литовского и разных славянских языков см. в нашей работе (Jasiūnaitė, Konickája 2004). Фактический материал по традиционной культуре славян, в частности белорусов, был дополнен из известных работ А. Ермолова (Ермолов 1901) и Н. Никифоровского (Никифоровский 1897; Никифоровский 1907).

§3. Довольно часто причина появления снега в литовской фразеологии объясняется определенными действиями птиц. Иногда подобным же образом объясняется и быстрое, внезапное таяние осенью или весной. В различных источниках обнаружено 14 примеров такого рода, напр.: *Balandis kėpi kepa* 'Голубь<sup>2</sup> печет лепешку' (LKŽ V, 583); *Gegužė kėpi kepa* 'Кукушка печет лепешку' (LKŽ V, 583) — о похолодании, снегопаде в апреле или мае<sup>3</sup>; *Kad balandžio mėnesį sniega, tai karvelis purtos* 'Если в апреле идет снег, это голубь крыльями встряхивает' (LKŽ X, 981); *Iškrito vyturiuko sniegas, vyturiukas padvės be maisto* 'Выпал жаворонков снег, жаворонок умрет без пищи' (LKŽ XIII, 251); *Dabar jau voversių pusnys, nebe velnių* 'Теперь уже сугробы жаворонков, не чертей' (LKŽ XIX, 968) — о том, что с прилетом жаворонков сугробы перестают быть большими; *An vieversiuo sninga* 'На жаворонка идет снег' (LKŽ XIII, 251) — о выпадении снега после прилета жаворонка; *gandro sniegas* 'снег аиста' (Там же) — о снеге, выпавшем после прилета аиста; *šarkos sniegas* 'сорочий снег' (Там же) — о снеге, выпавшем после прилета сорок; *Šiandakt iškrito garnio sniegas* 'Сегодня ночью выпал снег аиста' (Там же); *Šiandie pempės sniegas sniegti* 'Сегодня падает снег чибиса' (Там же); *Pempėms perlėkus — pempėm kėpis — parlekis ir kiti paukščiai* 'После прилета чибисов — лепешка чибисов — прилетят и другие птицы' (МС 1992, 117); *Gegužės kėpis — pirmą kartą gegužei užkukavus į trečią dieną atšąla* 'Лепешка кукушки — на третий день после того, как кукушка первый раз прокукует, похолодает' (Там же, 117); *Jei sniegas sninga balandžio pabaigoje, sakom, tas sniegas nesilaikys — žvirbliai sules* 'Если снег выпадает в конце апреля, мы говорим, что этот снег не будет держаться — воробьи склюют' (LRD 1990, 264); *Žvirbliai [pirmą] sniegą sulesė, už mėnesio bus kitas* 'Воробьи [первый] снег склевали, через месяц выпадет другой' (LKŽ XX, 1137).

§4. С давних времен существовало представление о том, что птицы, которых М. Гимбутене называет самыми динамичными посредниками между небом и землей (Gimbutienė 1994, 40), обладают способностями к пророчеству, могут предсказывать события человеческой жизни. По их поведению особенно часто можно предска-

<sup>2</sup> В литовском языке названия двух месяцев омонимичны названиям птиц: *balandis*<sub>1</sub> 'апрель' и *balandis*<sub>2</sub> 'голубь', *gegužė*<sub>1</sub> 'май', *gegužė*<sub>2</sub> 'кукушка'.

<sup>3</sup> Жемайтійское *kėpis* имеет прямое значение 'лепешка, выпечка из простой, не самой лучшей муки', в переносном значении 'выделения, кал животного или птицы', напр.: *lejo višta į preimėnę, tujau į padėjo porą kėpių* 'Зашла курица в сени, так и положила пару лепешек' (LKŽ V, 582). В приведенных выражениях представлено именно последнее значение; снег здесь понимается как выделения птиц.

зать перемену погоды<sup>4</sup>. Закономерное появление птиц в определенное время года, совпадающее с определенными атмосферными явлениями, способствовало возникновению представления о том, что они приносят тепло, весну, способствуют таянию снега и льда, ускоряют ледоход на реках, напр.: *Paukščiai parlekdamį parneša šaltuką* 'Прилетающие птицы приносят морозец' (LKŽ XIV, 489); *Gandras parveda pavasari, blezdinga — šilumą* 'Аист приводит весну, ласточка — тепло' (LKŽ I, 740); *Pempė sniegą nu kėso krapšto, kielė ledą spir[ja]* 'Чибис отщипывает снег от кочки, синичка разбивает лед' (LKŽ IX, 778); *Busilas, grįždamas Lietuvon, parsineša sniego. Todėl, kad ir vėlai sugrižta, vis tiek jam sugrižus turi dar sniegti* 'Возвращаясь в Литву, аист приносит с собой снег. Поэтому, даже если он возвращается поздно, после его возвращения еще должен идти снег' (MTt I, 63); *Pavasari, kiekvienam paukščiui parlėkus, būna sniego* 'Весной, после возвращения каждой птицы, бывает снег' (Šliavas 1996, 157); *Kiek vieversys sniego užgiedos (pradėdamas giedoti ras), tiek jo dar pridės* 'Сколько жаворонок снега запоет (найдет после того, как начнет петь), столько он еще его добавит' (LT V, 383); *Kai ledspira upių ledą nuspirs, tai jau tikrai bus pavasaris* 'Когда трясогузка разобьет лед на реке, тогда уж на самом деле наступит весна' (LKŽ VII, 227); *Paukštis, kurs pavasari pirmiausiai atlekia bi ledą spirti, vadinasi ledspire* 'Птица, которая раньше всех прилетает весной, чтоб разбивать лед, называется трясогузка' (Там же)<sup>5</sup>. Последний пример хорошо объясняет мотивацию жемайтійского названия трясогузки *ledspira, ledspire*<sup>6</sup> и мог бы быть убедительным доказательством близости

<sup>4</sup> Таких предсказаний погоды по птичьим голосам и их имитации очень много. Упомянем только некоторые из тех, которые связаны со снегом и его предвестником — снегирем: *O žiemos laike jau pamato — sniegena parejo ir sako: jau sniego būs* 'А зимой на дворе уже заметили — снегирь пришел и говорит: уже будет снег'; *Deg deg, sniegas sniegas — taip gieda sniegena* 'Гори, гори, снег, снег — так поет снегирь'; *Sniegenos gieda — bus sniego* 'Снегири поют — к снегу' (все примеры из LKŽ XIII, 252). С этой функцией снегирия связано и его наименование. Производимые птицами звуки в разных языках семантизируются различным образом: болгары, например, считают, что если снегирь кричит: *Пичу! Пичу! Пичу!*, то будет тепло, а если кричит: *Суну! Суну! Суну!* — будет снег (Ермолов 1905, 84).

<sup>5</sup> Название трясогузки в литовском языке имеет прозрачную внутреннюю форму: это сложное слово, первая часть которого представляет собой корень существительного *ledas* 'лед', вторая — корень глагола *spirti* 'пихать, толкать'.

<sup>6</sup> Ср. насмешливое передразнивание песни трясогузки: *Mano koja kai piestas, kai piestas, paspyriau ledą kai nieką, kai nieką* 'Моя нога как пест, как

языка и народной традиции. То, что трясогузка разбивает лед, известно и в Сибири: *синочка* (*синичка*, *трясогузка*) прилетает лед долбить (Ермолов 1901, 297). Не во всех славянских странах известно соответствие широко распространенному в Литве традиционному представлению о том, что аист приносит на хвосте или на крыльях именно трясогузку<sup>7</sup>. Подобная функция часто приписывается в славянских странах ласточке: улетая в теплые края, большие птицы уносят ее с собой. Болгары считают, что аисты уносят ласточек на спине, а у русских существует традиционное представление, что журавли переносят ласточек под крыльями (Ермолов 1901, 398)<sup>8</sup>. В польском Полесье бытует поверье, что аисты приносят ласточек на хвостах весной, на Благовещение (Толстая, Толстой 1998, 663). Для литовцев ласточка, как видно по приведенным выше примерам, — предвестница тепла, а не снега: она появляется сравнительно поздно, уже после возвращения с юга «противников» снега и льда: жаворонка, чибиса, трясогузки, аиста.

§5. По-видимому, традиционные крестьянские поверья были во времена приурочены к определенным христианским календарным датам. Так появились представления о весенних днях — сроках возвращения самых распространенных птиц: аиста, журавля, чибиса, трясогузки, жаворонка, ласточки, кукушки<sup>9</sup>. В Литве первый день прилета птиц — день св. Матвея (24 февраля): в этот день прилетает жаворонок (Лякечай, Жеймялис). В других местах дата его прилета переносится примерно на неделю позже — на день св. Казимира (Расейняй, Йонишкис, Кяльме, Киетавишкес, Синтаутай). В некоторых местах в этот день (4 марта) прилетают чибисы (Жеймялис). Другая важная дата этого календаря — день св. Иосифа (19 марта), когда с

пест, разбить лед мне ничего не стоит' (LKŽ IX, 925); известно, что трясогузка — маленькая, хрупкая птичка, отличающаяся особенно тонкими ножками.

<sup>7</sup> Указание о том, что аисты улетают и прилетают не только вместе с ласточками (полес., в.-пол., болг.) под крылом, на крыльях, на спине или на хвосте, но и с трясогузками (полес., з.-укр.), есть в СД 1, 98.

<sup>8</sup> По представлениям литовцев, ласточка никуда не улетает, а зимует в озере или в тростнике; тростник, сгибаясь, погружается в воду, и ласточка остается там неживой до весны (LD 1979, 272). Украинцы также считают, что ласточки зимуют на дне озер, рек, источников и водоемов, даже на дне моря, обхватив лапками друг друга (Ермолов 1901, 558). У латышей такой птичкой, не улетающей в жаркие края, является жаворонок: зимой он прячется под снегом между кочками и камнями (Šmitas 2004, 187).

<sup>9</sup> Подробнее об этих днях и связанных с ними обычаях в традиционной литовской культуре см., напр., Marcinkevičienė 1998, 94–96; Lopeta 1996, 328–329.

юга прилетают журавли (Валькининкай, Варена, Мяркине), чибисы (Варена, Киетавишкес, Синтаутай), трясогузки (Мяркине). На праздник Благовещения (25 марта) в Литву прилетает аист (Лейпалингис, Рудамина, Варена, Бабтай, Жеймялис, Анталепте). В некоторых местностях к этому календарю относится также день св. Георгия (23 апреля), когда прилетает кукушка (Мяркине) или ласточка (Лишкява, Жемайчу Калвария), и день Воздвижения креста (3 мая), который считается днем прилета ласточек (Синтаутай).

§6. Эти даты в различных местностях Литвы отмечены в текстах малых жанров фольклора: пословицах, метеорологических паремиях и под., напр.: *Nuog švento Juozapo lydeka narštan, o gervė raistan* 'После св. Иосифа щука (идет) на нерест, а журавль в болото' (LKŽ VIII, 561); *Ant Blovieščių garnys atvyksta, o nuo Bartlamiejaus išnyksta* 'На Благовещение аист прилетает, а после св. Варфоломея исчезает' (KrvP I, 67); *Per Blovieščių gandras atneša ant sparnų kielę ir pavakarę* 'На Благовещение аист приносит на крыльях трясогузку и полдник' (LKŽ I, 772). Похожие тексты можно обнаружить и у соседей литовцев — поляков: их поговорки и пословицы кратки, емки, часто рифмованы, напр.: *Na Świętego Kazimierza — czajka przybieża* 'На св. Казимира чибис прилетает'; *Na Święty Józef bocian przyleci, to resztki śniegu z pól zmieci* 'На св. Иосифа аист прилетит, остатки снега с полей сметет'<sup>10</sup>; *Na Zwiastowanie przybywaj, bocianie* 'На Благовещение прилетай, аист'; *Jeśli Święta Agnieszka wypędzi skowronka z pod kamuszka, to już zima długo nie pomieszka* 'Если св. Агнешка (2 марта) выгонит жаворонка из-под камешка, то зима уже недолго проживет' (Ермолов 1901, 158, 168, 173, 45)<sup>11</sup>; *Na gromnicy wyleci skowronek z kamienicy* 'На Громничную Божью мать (2 февраля) вылетит жаворонок из каменного укрытия' (СД 2, 191).

§7. В связи с датами прилета птиц стоит упомянуть и народные названия таких дней — хрононимы. Н. Марцинкявичене в книге о Пава-

<sup>10</sup> По представлениям белорусов, аист ведет себя не столь решительно. Если, прилетев в свой день, на Благовещение, он находит свое гнездо под снегом, то поворачивается и улетает назад, на юг (Ермолов 1901, 173). Схожее представление известно и на Виленшине: если земля еще покрыта снегом, аисты поворачивают на юг (Толстой, Толстая 1998, 663). Еще одна белорусская примета гласит, что после 25 марта выпадает еще столько же снега, сколько его нашел прилетевший аист (Никифоровский 1897, 189).

<sup>11</sup> Подобные примеры можно привести и из других славянских стран, находящихся в зоне более теплого климата. Так, у чехов потепление наступает уже после 2 февраля: в этот день жаворонок должен хотя бы немного почирить, даже если ему потом придется замерзнуть (КОО 1973, 221).

ренесе пишет, что Казимир — это «*vieversė*» (Marcinkevičienė 1998, 94). Жаль, автор никак не комментирует этого названия. Это слово, между прочим, не фиксирует и LKŽ. Слово *vieversė* — производное от *vieversys* ‘жаворонок’. К таким хрононимам относится *gandrinė* (< *gandras* ‘аист’) (LKŽ III, 99) — 25 марта. В некоторых местностях хрононимы представляют собой составное наименование: слово *šventė* ‘праздник’ и название птицы в форме род. п., напр., в Синтаутай: *vieversiu šventė* ‘праздник жаворонок’ — 4 марта<sup>12</sup>, *pempės šventė* ‘праздник чибиса’ — 19 марта, *garnio šventė* ‘праздник аиста’ — 25 марта; известное в Паваренисе: *busilo šventė* ‘праздник аиста’. В других местностях праздник Благовещения называется *gandro diena* ‘день аиста’ (LKŽ III, 99), *garnių šventė* ‘праздник аистов’ (LKŽ I, 766), *paukščių diena*<sup>13</sup> ‘день птиц’. В Литве широко распространено и (восточно)славянское название Благовещения, ср. приводимые в LKŽ формы *Blovieščius*, *Blovieščiai*, *Blovieščios* (LKŽ I, 771), а также *Blogavieščios*, *Blogavieščius* (LKŽ I, 766). На юге Литвы (Варена) можно встретить и *Zviestavonė* (из польск. *Zwiastowanie*) — название, отсутствующее в LKŽ. Представление о том, что в этот день прилетают аисты, известно в Польше (см. §6), распространено также в белорусском Полесье (Толстая 1984, 186)<sup>14</sup>. У славян этот день вообще связывается с пробуждением земли, наступлением весны, когда после зимы оживают не только птицы, но и звери, пресмыкающиеся, насекомые и различные злые духи (Виноградова 2000, 103; Агапкина 2002, 117–122). Восточнославянские народы связывают прилет птиц также с днем 40 мучеников, который в народе называют Сороки: *На Сорок мучеников прилет жаворонок; сколько проталинок, столько жаворонок* (Ермолов 1901, 161). По мнению белорусов, в этот день должно прилететь 40 птиц разных ви-

<sup>12</sup> С днем Казимира связывают появление жаворонка и украинцы: *На святого Казимира вийде жайворонок з пір'я* ‘На св. Казимира выйдут жаворонок из вырєя’ (Прислів'я та приказки 1989, 388).

<sup>13</sup> Хрононимы, подобные литовским, известны и в традиционной румынской культуре. Здесь 1 марта называется *Baba Dochia*. После этого бывает еще 9–12 «бабских дней», каждый из которых называется именем какой-нибудь птицы — дрозда, аиста, кукушки и др. В этот день, по представлениям румын, прилетают названные птицы (КОО 1973, 301).

<sup>14</sup> В других странах праздник Благовещения связывается с другими птицами. По представлениям шведов, норвежцев, датчан в этот день прилетает журавль (КОО 1973, 115), по мнению болгар — кукушка, приносящая весну (Там же, 284). В Греции дети ходят в этот день по домам с фигурками ласточек и при этом поют песню о том, что эти ласточки принесли весну (Там же, 329).

дов: жаворонок, грачи и др. (Никифоровский 1897, 240). По православному календарю этот праздник празднуется 9 марта, а по католическому — на день позже<sup>15</sup>.

§8. Эти факты из народного календаря и связанные с ними явления традиционной культуры рассматриваются так подробно, поскольку приведенные в §3 фразеологизмы *garnio sniegas* ‘снег аиста’, *pempės sniegas* ‘снег чибиса’, *vyturiuko sniegas* ‘снег жаворонок’ и под. отчетливо мотивированы так называемым культурным контекстом: снег падает для того, чтобы птицы, прилетевшие в «свои дни», провозвестники и символы весны, замерзли и погибли<sup>16</sup>. Нетрудно заметить, что хрононимы, названия ритуальной пищи и названия атмосферных явлений могут быть образованы по одному и тому же принципу: *garnio šventė* ‘праздник аиста’, *garnio pyragai* ‘пирог аиста’, *garnio sniegas* ‘снег аиста’; *pempės šventė* ‘праздник чибиса’, *pempės sniegas* ‘снег чибиса’. Возможно, что по крайней мере некоторые из них использовались до введения христианского календаря, а другие образованы позже по аналогии со старыми фразеологизмами. Если обратиться к некоторым жемайтийским словосочетаниям, можно предположить, что, вероятнее всего, самыми архаичными являются словосочетания *pempių kėpis* ‘лепешка чибиса’, *gegužės kėpis* ‘лепешка кукушки’ (ср. также: *blezdingų šaltis* ‘мороз ласточек’ (LKŽ XIV, 490) — о позднем похолодании после прилета ласточек), которые связываются с тем, что после прилета птиц воздух свежеет и погода ухудшается. Позже их связали с названиями месяцев, которые, как известно, появи-

<sup>15</sup> В России, на Украине, в Белоруссии распространен обычай на день 40 мучеников или на Благовещение печь печенье (или лепешки) в форме птиц, которое носит «птичье» название: на Украине это *жайворонки* или *голубци*, в различных местах России их называют *тетерки* (арханг.), *ластовочки*, *снегирки* (брянск.), *воробушки* (Нижний Новг.) (Соколова 1979, 92). В Белоруссии не только ритуальные пирожки, но и день после Благовещения называется *буськовы лапы* (Толстая 1984, 187). В Литве нам известны только так называемые *аистинные пироги* (*garnio pyragai*), выпеченные на праздник аиста из муки — смеси зерновых. В LKŽ это словосочетание попало из сочинений В. Кудирки.

<sup>16</sup> В малых жанрах фольклора можно обнаружить много выражений подобного рода, не обязательно связанных со снегом, напр.: *Juozipus pietiniai šaldys pempe* ‘Иосиф, наверное, будет морозить чибиса’ (LKŽ XIV, 435), — о том, что в день св. Иосифа чибисы еще могут замерзнуть; *Pempe (vyturi) dergia* ‘Снег идет на чибиса (жаворонок)’ (LKŽ II, 416) — о плохой погоде после прилета этой птицы; *Jei vyturys pirm savo dienos giedoti pradeda, tai šaltis jam nasrelius uždaro* ‘Если жаворонок до своих дней начинает петь, мороз закрывает ему клювик’ (LKŽ XIX, 838).

лись и закрепились в литовском языке сравнительно недавно: о снеге, выпавшем в мае, говорится *gegužė kėpī kėpa* 'кукушка печет лепешку', об апрельском снеге — *karvelis purtosi* 'голубок отряхивается'. Как видно из вышеприведенных жемайтийских фразеологизмов, для определения невовремя выпавшего, быстро тающего весеннего снега используется метафора «снег — птичий кал», хорошо коррелирующая с выражением *šlapdriba — mėšlas pasėliams* 'снег с водой — навоз для посевов' (LKŽ XIV, 1014). Последнее представление, как уже отмечалось в нашей предыдущей работе (Jasiūnaitė, Koničkaitė 2004), распространено не только в России, но и в некоторых странах Западной Европы, например, во Франции. Таким образом, причиной несвоевременного атмосферного явления (выпадения снега весной) может быть живое существо.

§9. В литовской фразеологии появление снега может связываться со сверхъестественными явлениями, мифологическими существами. До сих пор зафиксировано только 4 выражения такого характера, напр.: *Sniegelė pasnigdinėja, Dievulis ragutini [kelia] daro* 'Снежок сыпется, Боженька санный путь прокладывает' (LKŽ XIII, 251); *Barbora grindžia, Mykola prikalta, o Marija važiuoja (apie žiemos kelia)* 'Варвара стелет, Микола прикалывает, а Мария едет (о санном пути)' (Dv 1995, 221); *Kad Jurgis parjoja širmu žirgu, sako, bus geri metai* 'Если Юргис приезжает на сивом коне, говорят, год будет хорошим'; *Sniegs — tai šv. Jurgio arklys: kad šv. Jurgio dienose snigt liubėdavo, tai sakydavo, kad šv. Jurgis ant šimelio parjojęs* 'Снег — это конь св. Юргиса: если на день св. Юргиса выпадал снег, то говорили, что св. Юргис на сивом коне приехал' (два последних примера взяты из известной публикации Й. Балиса (Balys 1993, 165–166))<sup>17</sup>.

§10. Как видно из приведенных примеров, распорядиться атмосферными явлениями могут не только птицы, но и Господь, а также святые. Надо сразу сказать, что подобные персонажи, появившиеся в результате контаминации традиционной и христианской культур, характерны и для других народов Европы<sup>18</sup>. О. Черепанова (Черепанова

<sup>17</sup> Примечателен также комментарий ко второму примеру: *Mūsų tėvai ale ir liubėdavo apie tokius ėsus papasakoti, kad šventis Jurgis su šimeliais parjot liubėdavę; tai esti ant šv. Jurgio dar taip šalta, kad kita meta Jurgio dienoj per Kuršiškąsias marias su šlajėmis pervažiavę* 'Наши родители часто рассказывали про такие времена, когда будто бы св. Юргис на сивых конях часто появлялся; на св. Юргиса бывало еще так холодно, что иной раз в день Юргиса можно было переехать Куршский залив на санях' (Balys 1993, 166)).

<sup>18</sup> Так, немцы и фламандцы говорят, что св. Катерина (25 ноября) приходит в белых одеждах (KOO 1973, 71, 139). По мнению итальянцев, эта святая носит мешок муки: *santa Katarina la porto el sac de la farina* (Ермолов 1901, 544). У швейцарцев снег насыпает св. Симон (KOO 1973, 180) — его день

1983, 63) называет их мифологическими персонажами-протекторами. Христианский святой становится протектором, когда ему приписываются специальные функции, связанные с архаическим мировоззрением. В нашем случае конкретные явления природы (выпадение снега, появление наста) являются результатом деятельности Бога или святых, играющих роль определенного «культурного героя» (Агапкина 2002, 107). По примерам можно заметить, что для святых характерна трудовая деятельность: они рубят, настилают санный путь, ездят на санях, ездят верхом. Тем не менее, редкость таких мотивов в литовском фольклоре, а в особенности их географическое распространение (Радунь в Белоруссии, Девянишкес на границе с Белоруссией, Приекуле в быв. Вост. Пруссии и Куляй на ее границе) позволяют высказать предположение, что упомянутые выше выражения могут иметь характер заимствований.

§11. В традиционной культуре русских, а также других славянских народов такого рода данные весьма многочисленны. Можно условно распределить всех связанных со снегом святых на две большие группы: 1) тех, кто снег сыплет; 2) тех, кто снег уничтожает, растопляет. Тех, кто сыплет снег, гораздо больше<sup>19</sup>. Они действуют примерно так же, как это представлено в литовской традиционной культуре. Чуть ли не основной святой, настилающий санный путь у русских, — св. Прокопий (22 октября): *Прокоп по снегу ступает — дорогу копает; Пришел Прокоп, разрыл сугроб; Где прокопал Прокоп, там мужику и зимний путь; Прокоп дорожку прокопает, а Екатерина укатает* (Ермолов 1901, 542). Эти метеорологические паремии — очевидный пример народной этимологии: фонетическое сходство связывает имя святого со словом *прокопать*, ср. (Толстой 1995, 320–321). Несколько позже, в начале декабря, наст стелют и другие святые, ср. русские паремии: *Варвара (4 декабря) мостит, Савва (5 декабря) стелет; Савва дорогу салит; Егорий (26 ноября) мостит, Никола (6 декабря) гвоздит* (Ермолов 1901, 576–577); белорусские: *Варвара заварыць, а Микола потвердыць, а Танки забьютъ санки и поедутъ катацца по снегови, по ледови* (Толстая 1984, 188); украинские: *Варвара зава-*

празнується 28 октября. Ср. еще австрийское выражение *St. Gallen lässt der Schnee fallen* 'Св. Галлий (16 октября) велит идти снегу' (Там же, 164).

<sup>19</sup> Пожалуй, самые «трудодобивые» — 40 мучеников (9 марта), которые, по украинской паремии, *сорок лопат снігу вкинуть* (Прислів'я та приказки 1989, 388). В украинском же фольклоре находим и паремии о раннем выпадении снега, высыпаемого персонифицированным праздником: *Покрова накриває траву листям, землю — снігом, воду — льодом, а дівчат — шлюбним вінцем* (1 октября) (Прислів'я та приказки 1989, 386).



рить, Савва закалить, а Никола закуе; Варвара заварить, а Савва засолить, а Микола поставить кола (Прислів'я та приказки 1989, 399)<sup>20</sup>. Некоторые из приведенных паремий являются близкими соответствиями приведенного в §9 литовского выражения. Другие святые (или непосредственно персонифицированные праздники) любят ездить на санках, например: Катерина (24 ноября) на санях катит к зимнему Егорью (26 ноября) в гости; По Сочельникову мосту едет Коляда из Новагорода (Ермолов 1901, 643, 592)<sup>21</sup>. Св. Иосиф, как традиционно считают поляки, иногда ведет себя противоречиво: *Święty Józef czasem trawę, a czasem śniegu przywiezie wózek* 'Святой Иосиф привозит телегу иногда травы, а иногда снега' (Ермолов 1901, 167) — так предсказывается переменчивая, непостоянная погода в этот весенний день.

§12. И все же, с позиций этнолингвиста, наибольший интерес представляют славянские соответствия метеорологической паремии «Юргис приезжает на сивом коне» — о выпадающем в день св. Георгия снеге. Оказывается, целый отряд святых может красоваться на белом коне, но далеко не все они связываются с атмосферными явлениями. Так, в традиционной культуре украинцев и немцев начало снегопадов, зимы символизируют едущие на белых конях святые, день почитания которых приходится на ноябрь — св. Михаил (8 ноября) и св. Мартин (11 ноября), напр.: *Як у листопаді Мартин на білім коні приїде, то гостру зиму нам приведе* (Прислів'я та приказки 1989, 397), *Михайло приїхав на білом коні; Der heilige Martin kommt auf seinem Schimmel an (Boeten)* (Ермолов 1901, 523, 535). Эти выражения можно, по-видимому, связать с приведенными в §9 литовскими примерами и фактами: нигде, за исключением бывшей Восточной Пруссии и границы с ней, такие примеры не обнаружены<sup>22</sup>. Примечательно, что в традици-

<sup>20</sup> Такого типа выражения характерны и для других славянских народов, ср. словенское: *Sv. Klemen zaklene, sv. Katarina gružta, sv. Andrej pa (s snegom) pokriva* 'Св. Клемен (23 ноября) запирает, св. Катерина закрепляет, св. Андрей (снегом) покрывает' (Kuret 1998, knj. 2, 124).

<sup>21</sup> Мотив прибывающих на санях Коляд очень популярен в литовских календарных песнях, напр.: *Vai atvažiuoja šventos Kalėdos, lelium kalėda, da kalėdiene, geležies ratais, silkų botagais, lelium kalėda da kalėdiene* 'Ой, едут святые Коляды, лелюм, коляда, да и колядова жена, на железных колесах, с шелковыми батогами, лелюм коляда и его жена' (LKŽ XVIII, 432). Ср. также жемайтское выражение: *Berneliai parvažiavo* 'Пареньки приехали' — имеется в виду отправляемая во время Рождества служба; *Trys karaliai pareis dabar* 'Трое волхвов сейчас придут' (LKŽ XVIII, 447) — о празднике трех волхвов 6 января.

<sup>22</sup> Сходная ситуация складывается и с так называемыми «плясками сивого коня» — обычаем, который приурочен к колядкам и распространен в Су-

онной культуре многих народов фигура святого на белом коне не связывается ни со снегом, ни с другими атмосферными явлениями, у них совершенно иные функции. Так, русский св. Георгий (Егорий) на белом коне управляет лесными жителями: *На Юрья святой Егорий разъезжает по лесам на белом коне и раздает зверям наказания* (Даль 1988, 346). В белорусских заговорах можно найти много всадников на белом коне, сражающихся со злыми силами: *святой Юрій и Ягорый на белом кони, Сус Христос на белым коню, Господ Бог на белом коню*. В сербских заговорах так ведет себя св. Никола, св. Юван (Иоанн) (Раденкович 1989, 126–128). У словенцев защитник и опекун коней — не Георгий, как у литовцев или русских<sup>23</sup>, а св. Штефан на белом коне, день которого отмечается сразу после Рождества (26 декабря) (Кропей 1998, 156–157). Приведенные факты и рассуждения позволяют с известной степенью осторожности допустить, что метафора «снег — святой на белом коне», возможно, вторична и распространилась сравнительно недавно. Вполне вероятно, что она появилась не без влияния христианской иконографии и свойственна не только литовцам или славянам, но и общей европейской традиции.

§13. Идея связи масти животного с определенным атмосферным явлением (белый, бурый или гнедой — солнце, ясный, светлый день, весна; черный или пестрый — дождь, слякоть, плохая погода), опирающаяся на магию подобия, скорее всего, старше христианской традиции, поскольку основана на данных не только фольклора, этнической культуры, но и языка. Это уже давно заметила Л. Г. Невская (Невская 1984, 131), исследовавшая лексическую валентность и семантические связи литовского прилагательного *margas* 'пестрый' с помощью многих интересных данных традиционной культуры и их интерпретаций. Она цитирует записанную в Твярячюсе, расположенном на границе Литвы и Белоруссии, литовскую метеорологическую паремию: *Jeigu*

валкии, главным образом в современном Вилкавишском районе. Коня изображают один или двое парней, которые накрываются белым покрывалом и прилаживают на себя лошадиную голову и хвост. В процессии участвуют и другие маски: черт, солдат, цыган. Обычай известен также в Малой Литве и в северной Германии. О похожем обычае при праздновании словенского адвента и Рождества на территориях, где известно немецкое культурное влияние, см.: Кропей 1998, 155–156.

<sup>23</sup> По нашему мнению, довольно опрочетливо связывать всадника на белом коне, одетого в белые одежды, с конкретным языческим богом Белобогом, ср. Черепанова 1983, 40. В белые одежды, как мы видели, наряжается и св. Николай, и даже Иисус Христос. Другие авторы отождествляют с тем же св. Георгием Весника или Ярилу, связанных с приходом весны, см. Кропей 1998, 159.

*balta karvė keltavas namo veda, tai ryt bus graži diena, jeigu margu-tuota — paliūtė* 'Если белая корова стадо домой ведет, то утром будет хороший день, если пестрая — будет дождь' (LKŽ VII, 857)<sup>24</sup>. Ср. также русскую и белорусскую примету, связанную с погодой: *Когда впереди возвращающегося с пастьбы домой стада идет черная или пестрая (рыжяя) корова, — к ведру, а черная или пестрая — к ненастью* (Ермолов 1905, 48); *Когда летом, при вечернем возвращении «статка» с поля, впереди идет «чарноха», на другой день следует ожидать ненастья, «бляха» — ясной, ведренной погоды, «рябоха» и вообще «пялеса» корова — пасмурной и переменной* (Никифоровский 1897, 151). Точно так же у болгар св. Тодор на красном коне приводит лето — теплое, красивое время года (Агапкина 2002, 107). Не столь разборчивые русские св. Гурий (15 ноября) и св. Григорий (17 ноября) довольствуются пестрой кобылкой, с которой в традиционной культуре связаны различные негативные коннотации<sup>25</sup>; последний ее любезно уступает зиме<sup>26</sup>: *Св. Гурий на пегой кобыле землю объезжает; На Григория приехала зима на пегой кобыле* (Ермолов 1901, 539–540)<sup>27</sup>. Пестрая масть животного здесь убедительно символизирует пестрящую в начале зимы снежными заплатами землю. Характерная для ноября пе-

<sup>24</sup> Вообще, надо сказать, что в традиционных метеорологических паремиях с дождем связывается любое мельтешение, быстрое движение вверх-вниз, напр.: *Uodai čiułkinį grūdžia, bus lietaus* 'Комары кашу толкут, будет дождь'; *Bus lietaus, uodai čiułkunę grūda* 'Будет дождь, комары кашу толкут'; ср. *čiułkinys — grūsta košė su kanapėmis, žirniais, šiupinys, kiulkinys* 'чюлькинис — толокняная каша с коноплей, горохом' (все примеры из LKŽ II, 150).

<sup>25</sup> Пестрый или пегий конь может ассоциироваться с непостоянством жизни, различными неприятностями. Это отчетливо прослеживается в литовской фразеологии, напр.: *Dar čia viskas stovi ant margo arklio* 'Здесь еще все стоит на пестром коне' (FŽ 2001, 67) — о чем-то с неясным, неопределенным исходом; *Priežadai (pažadai) keršu žirgu joja* 'Обещания ездят на пегом коне', т. е. 'обещаниям не стоит верить'; *Sėdi, vaikeli, ant keršo žirgo* 'Ты, деточка, сидишь на пегом коне' — говорится девушке, собирающейся выйти замуж, если ей это может не удалиться (примеры из LKŽ XX, 716).

<sup>26</sup> У других восточных славян — украинцев — на пестром животном едит не зима, а осень, ср.: *Осінь на рябому (строкатому) їздить; Осінь на сорокатій кобылі їздить* (Прислів'я та приказки 1989, 83).

<sup>27</sup> Ездить на пестром коне ниже достоинства разных мифологических существ. К такому коню плохо относится белорусский *хлевник*. Разозлившись, он въезжает в хлев на пестром коне и досаждаёт всем животным. Ему не нравится и пестрая птица — сорока, если она повешена в хлеве или сидит на крыше (Никифоровский 1907, 55).

ременчивая погода — слякоть, смешанный с грязью снег — усиливается и другими коннотациями: зима еще не совсем установилась, поэтому положение святого на пестром коне весьма неустойчиво, вызывает сомнение, может быть даже несколько комично<sup>28</sup>.

§14. Иногда случается, что распространенные в диалектном языке метафоры «снег — крупа», «снег — белые одежды» в традиционных метеорологических паремиях трансформируются путем введения своеобразного субъекта действия: «снег — рассыпаемая святым крупа», «снег — полы одеяния святого», ср. рус. *Коли Яков, брат Господень* (23 октября), *крупцу пошлет, то с Матрены* (9 ноября) *зима станет на ноги*; польск. *Zazwyczaj tak bywa, że święty Marcin okrywa swego płaszczą potą oziminę gołą* 'Обычно так бывает, что св. Мартин покрывает полый своего плаща голые озимые' (Ермолов 1901, 511, 534). А по представлениям болгар, первый снег сыпется прямо из белой бороды святого Димитрия (*дядо Димитър*) (СД 1, 93).

§15. Следует отметить, что католические и православные святые, о которых говорилось выше, — не единственно возможные «рассыпатели» снега. Нельзя не упомянуть еще один интересный факт: русским известен антропоморфный образ вьюги (метелицы), ср.: *Помело метлой на маслену — приедет сударыня метельная* (Даль 1989, 339). По мнению чехов, если идет снег, то это *bila pani* (белая госпожа) вместе с ангелами стелет постель (Ермолов 1905, 315). Словенцы считают, что снег (*babje pšeno* — 'бабье пшено', *babja kaša* — 'бабья каша') готовится *Пехтрой-бабой*<sup>29</sup> — женским божеством, некрасивой, косматой женщиной с вилами в руках; ее время — вечер перед празд-

<sup>28</sup> Интересно, что масть животного в литовских преданиях связывается с заклтым (заколдованным) кладом: белое животное символизирует серебро, бурое — золото, пестрое — смешанные деньги, напр.: *Žmonės sako, kad jei prisduoda (vaidenasi) balta karvė, tai reiškia sidabrą, žala — auksą, marga — maišytus pinigus* 'Люди говорят, что если привидится белая корова, то это значит серебро, бурая — золото, пестрая — смешанные деньги' (Balys 2003, 110). В записанном в Швянченелай предании на том месте, где закопаны серебряные деньги, появляется белый конь, блещущий серебром (Там же). Здесь обнаруживается тот же принцип, что и в метеорологических паремиях.

<sup>29</sup> Обычно словенская *Пехтра* связывается с немецким влиянием; однако Д. Овсец в своей монографии о славянской мифологии приводит аналоги женского зимнего божества — итальянское (*Befana*) и французское (*tante Airie*), а также упоминает среднеазиатские божества, появляющиеся в середине зимы (Ovsec 1991, 476), и на этом основании приходит к выводу об индоевропейском, если не евразийском характере женского зимнего мифологического персонажа.

нованием прихода трех волхвов (5 января). Эти женские персонажи напоминают фрау Холле (*Frau Holle*) из сказок братьев Гримм, которую переводчики на литовский язык называют то Королевой вьюг (пер. Ю. Бальчикониса), то Снежной матушкой (пер. А. Друктейниса); на русский язык ее имя традиционно переводится как Госпожа Метелица или Бабушка Метелица. На самом деле слово *Holle* значит 'старинный женский головной убор' или 'птичий хохолок'. *Frau Holle* — страшная старуха с большими зубами, в ее власти — атмосферные явления: стеля ей постель, нужно было так сильно взбивать перину, чтобы перья летели во все стороны, и в это время во всем свете идет снег (BG 1999, 141; БГ 1959, 114). Интересно, что и в русском фольклоре лето изображается как красивая девушка, а зима — как страшная старуха с железными зубами (Левкиевская 2000, 91–92)<sup>30</sup>. В Литве в окрестностях Пасвалиса, если с вечера холодает, говорят: *Gal bus šalna, ateis viešnia žilelė* 'Наверное, будут заморозки, придет седая гостья' (LRD 1990, 216). Иначе говоря, и здесь заморозки<sup>31</sup> предстают антропоморфно, в образе седой женщины<sup>32</sup>. Вероятнее всего, такие «госпожи» и «бабы» отражают дохристианские воззрения, а позже их функции могли перейти к христианским святым.

§16. После изложения данных, связанных с «рассыпателями» снега, следует несколько слов сказать об «уничтожителях» снега. Эту функцию в славянской, в частности, русской и белорусской традиционной культуре выполняют святые, чьи дни празднуются ранней весной, напр.:

<sup>30</sup> Здесь можно упомянуть литовские поговорки: *Žiemos dantys ilgi* 'У зимы длинные зубы'; *Žiemos dantys aštrūs* 'У зимы острые зубы' (LKŽ XX, 542). Сходные образы переходят в профессиональную поэзию, напр.: *Jau ruduo dantis galanda, jau šalna žolelė kanda* 'Осень уже точит зубы, заморозки уже кусают травку' (Саломея Нерис; цит. по: LKŽ XI, 879).

<sup>31</sup> В литовском языке слово *šalna* 'заморозки' — женского рода, выступает в единственном числе.

<sup>32</sup> У других народов снегом распоряжаются не только женские персонажи. Так, в финском эпосе о Калевале снега просят у бога Укко: «Ты насыпь мне снега, Укко, намети пороши тонкой, чтоб мои скользили сани, Чтобы пошевни катились!» (18 песня, 421–424) (Калевала 1998). Как нас информировала доцент кафедры баллистики и общего языкознания Вильнюсского университета Регина Венцукте, само финское слово *ukko* значит 'старик, предок, старший'; это, видимо, эвфемизм настоящего имени божества. У эскимосов мороз, вьюгу и снег насылает дух мороза Тыкывак (ЭСМ 1988, 268). В другом эскимосском мифе говорится, что божество неба женится на вылепленной из снега девушке, она рождает ребенка, и это становится причиной выпадения снега (Там же, 144).

*Прокоп — Perezимний, Прокоп — дорогорушитель* (21 февраля); *Авдотья-плющица — снег плющит* (1 марта); *Алексей — из каждого сугроба кувшин пролей* (17 марта); *Марьи — зажги снега, заиграй овражки* (1 апреля); *св. Руфь снег рушит* (8 апреля); *св. Пуд снег пугнет* (известно и в белорусских метеорологических паремиях) (Ермолов 1901, 96, 152, 165, 211, 215, 218); *Пуд снег пудзиць* (Агапкина 2002, 116). В этих паремиях обнаруживаются элементы народного этимологизирования, ср.: *Руфь рушит, Пуд пудзиць*. У литовцев, как говорилось ранее (см. §3–4), снег склевывают или поджигают разные птицы.

§17. В литовском языке, особенно в восточных говорах, можно найти своеобразные фразеологизмы, связанные с метафорой «снег, блестящий на солнце (месяце) — части тела мифологического существа». Зафиксировано 10 таких выражений<sup>33</sup>: *bobos kaulai (pelenai)* 'бабьи кости (бабий пепел)' (FŽ 2001, 107), *raganos kaulai* 'ведьмины кости' (LKŽ XI, 18), *močekos raganos kaulai* 'кости мачехи-ведьмы' (TDr IV, 231), *viedmos raganos kaulai* 'кости ведьмы-раганы' (TDr IV, 222), *kaulai viedmos* 'кости ведьмы' (Mit IV, 180), *laumės kaulėliai* 'косточки лаумы' (TDr IV, 217), *laumių taukai* 'жир лаум' (TDr IV, 202), *raganos taukai* 'жир ведьмы' (LKŽ XI, 18), *raganos smegenys* 'мозги ведьмы' (LKŽ XIII, 140). Все эти выражения явно связаны с фольклорным источником: в восточной и западной Литве и литовских островных говорах на территории Белоруссии широко известна сказка, в конце которой ведьма за свои пакости несет смертное наказание<sup>34</sup>. В восточной Литве этот сюжет записан в Девянишкес, Дукштасе, Цейкиняй, Твярячюсе, Даугелишкисе, Парингисе, Шальчиникай; в южной Литве — в Бартнинкай.

<sup>33</sup> После просмотра всех 20 томов LKŽ можно с уверенностью сказать, что фразеологизмов, в которых так или иначе упоминаются части тела мифологических персонажей (черта, Бога, лаумы, ведьмы-раганы, домового), в литовских говорах и фольклоре зафиксировано примерно полторы сотни. Упомянем некоторые из них, в которых фигурируют важные для нас женские персонажи: *laumės galva* 'голова лаумы' (LKŽ VII, 190) — 'звуки от ударов валька при стирке', *laumės kaulas* 'кость лаумы' (LKŽ VII, 190) — 'твердый нарост, опухоль', *raganos papas* 'грудь ведьмы' (LKŽ XI, 18) — 'минерал белемнит', *raganos ašaros* 'слезы ведьмы' (LKŽ XI, 18) — 'водка', *raganos spjaudulas* 'плевок ведьмы' (LKŽ XIII, 460) — 'гриб-паразит'.

<sup>34</sup> До сегодняшнего дня даже сравнительно молодые информанты хорошо чувствуют эту связь; так, в 2004 г. в д. Анталепте записано замечание З. Кавалюскайте-Илене (1938 г. рожд.): *Raganos kaulai bližga [sniege], kai išnešiojo su arkliai* 'Кости ведьмы блестят на снегу, это ее разорвали кони' (Jasiūnaitė 2001, 74). О некоторых аспектах этой темы более обстоятельно написано в указанной статье Б. Ясюнайте.



Валькининкай, Швянтяжарисе; из литовских местностей Белоруссии следует назвать Гярвечай, Радунь (Rodūnia), Пялясу (Pelesa), Ошмяны (Ašmena), Дятлово (Zietela). Особенно примечателен записанный Й. Довидайтисом (Dovydaitis 1957, 157) в Пялясе вариант, в котором разные части тела ведьмы превращаются не только в снег, но и в элементы рельефа — камни разного цвета: *Žukinkė porą arklių geležinėna akėciosna ir ištašė po visus laukus, ir kaulus išbarstė. Ir dabar žiemą tą viedmų riebalai blizga ant sniego. Ir kur dabar yra raudonas akmuva, tai ten viedmos ragenos kraujai, o kur mėlynas akmuva — tai tos viedmos ragenos mėsos, o kur baltas — tai viedmos ragenos kaulai* ‘Пара лошадей растащили ее железной бороной по полям и косточки разметали. И с тех пор зимой жир этих ведьм блестит на солнце. И где сейчас красный камень, так это кровь ведьмы-раганы, а где синий камень — там мясо этой ведьмы-раганы, а где белый — это кости ведьмы-раганы’. Здесь ведьма — переустроительница рельефа, от нее зависит появление важных природных объектов. Тем самым она определяется как весьма могущественное существо, наравне с великанами, чертями, лаумами — наиболее характерными персонажами литовских этиологических преданий, см.: Kerbelytė 2004, 264–265. Определенные параллели можно найти в объяснениях индейцами-пенобскотами штата США Мейн происхождения важнейших географических объектов территории своего племени скитаниями культурного героя или другими мифическими происшествиями: скала — это лодка героя, жила из белых камней — внутренности оленя, которого он добыл на охоте, гора — котел, который он опрокинул на костер, и т. д. (Lévi-Strauss 1997, 190).

§18. Сравнительно часто субъектом выпадения снега может выступать персонифицированное явление природы. Нами зафиксировано 9 таких литовских паремий, напр.: *Sninga, žiema patalą kloja* ‘Снег идет, зима перину расстилает’ (LKŽ XIII, 256); *Vasaris vasnoja, t. y. džiovina su vėju, kovelis dargelis, t. y. sninga su vėju* ‘Февраль машет крыльями, т. е. сушит ветром, март — месяц непогожий, то есть снежит с ветром’ (LKŽ XVIII, 371); *Ruduo jau pradėjo sniegeļi birinti* ‘Осень уже начала сыпать снежочек’ (LKŽ I, 844); *Šviežias sniegas senąjį suėda* ‘Новый снег старый съедает’ (LKŽ II 1162); *Kukorius išverda be ugnies, ponai suvalgo be burnų (šaltis, sniegas, saulė)* ‘Повар варит без огня, господа съедают безо рта (мороз, снег, солнце)’ (LKŽ XIX, 651); *Senė pikta pūkus iš maišo paleido* ‘Злая старуха снег из мешка рассыпала’ (LKŽ XII, 392). В этих примерах явлениям неживой природы (зиме, осени, ветру, февралю) приписываются свойства человека. Персонифицированные явления природы здесь словно замещают зооморфный или мифологический персонаж. Интересны и антропоморфные образы загадок: мороз — повар, солнце — пирующие

господа, зима — злая старуха (ср. с упоминавшимися в §15 женскими мифологическими персонажами из культур разных народов). Фразеологизмы, пословицы, загадки и др. паремии этой группы, видимо, более новые по сравнению с рассмотренными выше.

§19. В аналогичных русских выражениях можно встретить грязнулю-октябрь, не желающего наряжаться в белые одежды, или красующуюся в медвежьей шубе зиму<sup>35</sup>, например: *Коли на Евлампия (10 октября) грязь да слякоть — октябрь-грязник до Казанской (22 октября) снегом не умоется, в белый кафтан не нарядится; Со Спиридонова дня (12 декабря) зима ходит в медвежьей шкуре; Если зима ходит в Спиридонов день по полю, то за ней вереницами идут метели* (Ермолов 1901, 501, 584). По представлениям белорусов, *На Матвея (24 марта) зима пацее* ‘На Матвея зима потеет’: так метафорически изображается таяние снега с приходом весны.

§20. Иногда субъект выпадения снега вовсе не называется, а только угадывается по употребленным в высказываниях глаголам. Зафиксировано 5 таких случаев, напр.: *Sniegti, gal padarys<sup>36</sup> rogių kelią* ‘Снежит, может, санный путь установит’ (LKŽ XI, 812); *Truputį snaigo — kelią taiso* ‘Немножко снежит — дорогу прокладывает’ (LKŽ XIII, 234); *Padarys gerą rogiakelį* ‘Установит хороший санный путь’ (LKŽ XI, 812); *Trašus pila (sakoma, kai pavasari sninga)* ‘Удобрения рассыпает (говорят, когда весной выпадает снег)’ (LKŽ XVI, 584); *Ir vėto, ir mėto, visus kampus primėto (sniegas)* ‘И веет, и бросает, все углы засыпает (снег)’ (LKŽ XIX, 6). В §3 уже указывалось, что удобрения весной рассыпают птицы, в §9–11 — что санный путь устанавливает Бог или святые и под. Следовательно, вышеприведенные фразы можно считать своеобразными эллиптическими конструкциями, недостающее звено которых говорящий заполняет сам с опорой на хорошо ему известный этнологический контекст.

§21. Приведенные в статье данные и их анализ приводят к выводу, что как в литовской, так и в славянской традиционной культуре снег не считается самостоятельным природным явлением. Это атмосферное явление вызывается причинами, связывающими его либо со свое-

<sup>35</sup> Ту же метафору «заморозок — одеяние из шкурки горностая» можно найти в русской профессиональной поэзии, ср. пример из поэзии И. Бунина (Бунин 1995, 58): *И в горностаевом шугае, умывши бледное лицо, последний день в лесу встречая, выходит Осень на крыльцо*. Горностай связан со снегом и в русском фольклоре: мотки нитей, которые горностай прядет из своей серебристой шерсти, позже превращаются в сугробы снега (СД 1, 522).

<sup>36</sup> В литовском языке глагольная форма 3 лица может быть отнесена как к единственному, так и к множественному числу.

образно интерпретируемыми объектами самой природы (птицами, зимой, осенью, ветром и т. д.), либо с деятельностью сверхъестественных существ (Бога, святых, других мифологических персонажей). Такая трактовка снега довольно ясно раскрывается как на языковом уровне, в богатой диалектной фразеологии, так и в текстах малых жанров фольклора, в особенности в метеорологических поговорках и загадках. В славянском материале такого рода более ярко проявляются элементы христианской культуры, новые функции католических и православных святых, что характерно и для общеевропейской традиции. Литовцы в этом отношении более консервативны, чем их ближайшие соседи: в Литве еще сравнительно недавно совершались обряды вождения козла вокруг березы, основная цель которых — вызывание снега. Анализ этого обряда — тема для отдельной статьи.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Агапкина 2002 — *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.  
 БГ 1959 — *Братья Гримм.* Сказки. М., 1959.  
 Бунин 1995 — *Бунин И. А.* Свет незакатный. М., 1995.  
 Виноградова 2000 — *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.  
 Даль 1988 — *Пословицы русского народа.* М., 1988. Т. 1.  
 Даль 1989 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1989. Т. 2.  
 Ермолов 1901 — *Ермолов А. С.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. III. Всенародный месяцеслов. СПб., 1901.  
 Ермолов 1905 — Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. IV. Всенародный месяцеслов. СПб., 1905.  
 Калевала 1998 — *Калевала / Пер. Э. Киуру и А. Мишина // (8.11.2005) http://kalevala.ru/songs/song18a.shtml.*  
 КОО 1973 — Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы XIX — нач. XX в. Зимние праздники / Отв. ред. С. А. Токарев. М., 1973.  
 Левкиевская 2000 — *Левкиевская Е.* Мифы русского народа. М., 2000.  
 Невская 1984 — *Невская Л. Г.* Лит. «margas» (семантические связи постоянного эпитета) // *Славянское и балканское языкознание.* М., 1984.  
 Никифоровский 1897 — *Никифоровский Н. Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Собрал Н. Я. Никифоровский. Витебск, 1897.  
 Никифоровский 1907 — *Никифоровский Н. Я.* Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Вильна, 1907.  
 Прислів'я та приказки 1989 — *Прислів'я та приказки.* Природа, господарська діяльність, людини. Київ, 1989.

- Раденкович 1989 — *Раденкович Л.* Символика цвета в славянских заговорах // *Славянский и балканский фольклор.* М., 1989.  
 СД 1, 2 — *Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого.* М., 1995. Т. 1; 1999. Т. 2.  
 Соколова 1979 — *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.  
 Толстая 1984 — *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю (А–Т) // *Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте.* М., 1984.  
 Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Народная этимология и этимологическая магия // *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.  
 Толстой, Толстая 1998 — *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Благовещение в славянских народных обычаях и верованиях // *Введение в храм.* М., 1998.  
 Черепанова 1983 — *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Ленинград, 1983.  
 ЭСМ 1988 — *Эскимосские сказки и мифы / Сост. Т. А. Меновщиков.* М., 1988.  
 Balys 1993 — *Balys J.* Lietuvių kalendorinės šventės. Vilnius, 1993.  
 Balys 2003 — *Balys J.* Užburti lobiai // *Balys J. Raštai.* Vilnius, 2003. Т. 4.  
 BG 1999 — *Broliai Grimai.* Vaikų ir namų pasakos. Vilnius, 1999.  
 Dovydaitis 1957 — *Lietuvių liaudies pasakos su dainuojamaisiais intarpais / Užrašė ir paruošė J. Dovydaitis.* Vilnius, 1957.  
 Dv 1995 — *Dieveniškės / Sud. V. Mačiekus.* Vilnius, 1995.  
 FŽ 2001 — *Frazeologijos žodynas / Red. J. Paulauskienė.* Vilnius, 2001.  
 Gimbutienė 1994 — *Gimbutienė M.* Senovinė simbolika lietuvių liaudies mene. Vilnius, 1994.  
 Jasiūnaitė 2001 — *Jasiūnaitė B.* Dėl vienos keiksmo formulės kilmės // *Tautosakos darbai.* 2001. Т. XV (XXII).  
 Jasiūnaitė, Konickaja 2004 — *Jasiūnaitė B., Konickaja J.* «Atlekė paukštis be sparnų» (Atmosferos reiškinių frazeologijoje: sniegas) // *Kalbotyra.* 2004. LII (1).  
 Kerbelytė 2004 — *Kerbelytė B.* Sakmės ir padavimai apie pasaulio kilmę // *Lietuvių mitologija.* Vilnius, 2004. Т. 3.  
 Kropelj 1998 — *Kropelj M.* The Horse as a Cosmological Creature in the Slovene Mithopoetic Heritage // *Studia mythologica Slavica.* Ljubljana, 1998. I.  
 KrVP I–II — *Krève-Mickevičius V.* Patarlės ir priežodžiai. I–II d. Kaunas, 1934–1945.  
 Kuret 1998 — *Kuret N.* Praznično leto Slovencev. Ljubljana, 1998. Knj. 1–2.  
 LD 1979 — *Laumių dovanos: lietuvių mitologinės sakmės / Sudarė N. Velius.* Vilnius, 1979.  
 Lévi-Strauss 1997 — *Levi-Strauss C.* Laukinis mąstymas. Vilnius, 1997.  
 LKŽ I–XX — *Lietuvių kalbos žodynas.* Vilnius, 1941–2002. Т. I–XX.  
 Lopeta 1996 — *Lopeta V.* Liaudies astronomija ir chronologija. Sintautai. Vilnius, 1996.

- LRD 1990 — Linelius roviau, dainavau. Onos Bluzmienės tautosakos ir atsiminimų rinktinė. Vilnius, 1990.
- LT I–V — Lietuvių tauta. Lietuvių mokslo draugijos raštai. Vilnius, 1907–1936. Kn. I–V.
- Marcinkevičienė 1998 — *Marcinkevičienė N. Pavarėnis*. Vilnius, 1998.
- МČ 1992 — *Čilvinaitė M. Oro, sėjos bei darbų laiko spėjimai* Upynos apylinkėse (Šilalės raj.) // *Mūsų kraštas*. 1992. № 1.
- Mit I–VI — *Mitteilungen der Litauischen Litterarischen Gesellschaft*. Bd. I–VI. Heidelberg, 1883–1912.
- MTt I–X — *Mūsų tautosaka*. Hum. m. fak. Tautosakos komisijos leidinys. Kaunas, 1930–1935. Kn. I–X.
- Ovsec 1991 — *Ovsec D. Slovanska mitologija in verovanja*. Ljubljana, 1991.
- Šliavas 1996 — *Šliavas J. Žiemgalių pėdsakais*. Vilnius, 1996.
- Šmitas 2004 — *Šmitas P. Latvių mitologija*. Vilnius, 2004.
- TDr I–VII — *Tautosakos darbai. Lietuvių tautosakos archyvo leidinys*. Kaunas, 1935–1940. T. I–VII.

И. ВИТОЛА

## НАЗВАНИЯ МЕСТ С КЛАДАМИ В ЛАТЫШСКИХ НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЯХ

В исследованиях латышского историко-культурного ландшафта до сих пор мало внимания уделялось объектам, обозначаемым как «места кладов» (или «места спрятанного добра», «богатства»: *Mantas vietas*) — местам, в названии которых присутствуют слова *manta* ‘вещи’, *nauda* ‘деньги’, *zelts* ‘золото’, *sudrabs* ‘серебро’<sup>1</sup>.

Данная работа ставит целью выявить происхождение названий этих мест: *Zelta kalns* ‘Золотая гора’, *Naudas akmens* ‘Денежный камень’ и других, а также ареал их распространения на территории Латвии. В исследовании использованы главным образом следующие источники: латышские народные предания из фондов Архива латышского фольклора Института литературы, фольклора и искусства (далее в тексте — LFK), а также материалы Центра документации памятников Государственной инспекции по охране культурных памятников (далее в тексте — PDC)<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> «Места кладов» здесь и далее — общее обозначение, используемое автором для всех известных мест, в названиях которых есть слова: *manta* ‘клад, имущество’ — *Mantas akmens* ‘Кладовой камень’, *Mantu kalniņš* ‘Кладовая горка, холм’, *Mantas kalns* ‘Кладовая гора’, *Mantu bedres* ‘Кладовая яма’; *nauda* ‘деньги’ — *Naudas kalni* ‘Денежные горы’, *Naudas bedres* ‘Денежные ямы’, *Naudas dobes* ‘Денежные гряды’, *Naudas akmeņi* ‘Денежные камни’, *Naudas avoti* ‘Денежные источники’, *Naudas lāmas* ‘Денежные ложбины’, *Naudas purvi* ‘Денежные болота’, *Naudas ezeri* ‘Денежные озера’, *Naudas dīķi* и *Naudas mārki* ‘Денежные пруды’, *Naudas līči* ‘Денежные заводы’, *Naudas gravas* ‘Денежные канавы’, *Naudas atvari* ‘Денежные омуты’, *Naudas koki* ‘Денежные деревья’, *Naudas pļavas* ‘Денежные луга’, *Naudas salas* ‘Денежные острова’, *Naudas birstiņa* ‘Денежная насыпь’; *zelts* ‘золото’ — *Zelta kalns* ‘Золотая гора’, *Zeltlejas* ‘Золотые долины’, *Zelta upīte* ‘Золотая речка’, *Zelta akmens* ‘Золотой камень’, *Zelta bedres* ‘Золотые ямы’; *sudrabs* ‘серебро’ — *Sudrabkalns* ‘Серебряная гора’, *Sudrabezers* ‘Серебряное озеро’, *Sudraba dīķis* ‘Серебряный пруд’, *Sudraba avotiņš* ‘Серебряный источник’. В исследование не включены названия поселений (например, *Naudīte*, *Zeltiņi*, *Sudrabe* и т. д.), отдельно стоящих дворов (*Zeltakalni*, *Sidrabiņi* и т. д.).

<sup>2</sup> Выбор этих источников не случаен и обусловлен тем, что они дают информацию о всей территории Латвии, а также дополняют друг друга — в ла-